

Россель и военно-патриотическое течение в Парижской Коммуне 1871 года.

А. Molok. — *Rossel und die militärisch-patriotische Strömung zur Zeit der Pariser Kommune 1871.*

Die Pariser Kommune, aus der patriotischer Stimmungen nicht baren revolutionären Bewegung des Winters 1870/71 und Frühlings 1871 entstanden, trat im April 1871 in ein Stadium offenen Kampfes gegen die Versailler Krautjunker, die den vom Sieger aufgezwungenen, räuberischen Frieden sanktioniert hatten; in ihren Reihen kämpfte eine Gruppe von Männern — hauptsächlich Mitglieder des früheren Offiziers-Korps — die sich dem Aufstande ausschliesslich aus Haß gegen die „Kapitulierenden Generäle“ angeschlossen hatten in der Hoffnung, daß eine siegreiche revolutionäre Bewegung den abgeschlossenen unwürdigen Frieden annullieren und eine Revanche—Kampagne gegen Deutschland ins Werk setzen würde. Die vorliegende Arbeit beschäftigt sich mit dieser interessanten, bisher in der Historiographie der „Kommune“ nicht weiter erforschten Frage über die militärisch-patriotischen Strömungen der Revolution von 1871, wobei als typischste und prägnanteste Persönlichkeit dieser Bewegung Oberst Rossel (Kommandeur des Generalstabes, später Kriegsminister der Kommune) gelten kann.

Революционизирующее значение патриотических настроений пролетарских и полупролетарских масс Парижа в период первой осады и накануне революции 18 марта общеизвестно. Известно также, как в огне гражданской войны сгорели патриотические иллюзии восставшего пролетариата, как знамя Коммуны стало знаменем „всемирной социальной республики“. Настоящий очерк посвящен анализу не этого патриотизма рабочих масс, а той еще совсем не изученной, хотя и весьма интересной, военно-патриотической платформы, которая побудила целый ряд кадровых офицеров (главным образом, из молодежи), оскорбленных военной катастрофой Франции и еще не потерявших надежды на немедленный реванш, предложить свою шпагу Коммуне, возникшей из нечуждого патриотизму движения. Анализ военно-патриотического течения в пролетарской революции 1871 года мы даем здесь в связи с личностью его наиболее яркого представителя — инженерного полковника Росселя ¹⁾.

¹⁾ На службе Коммуны Россель занимал последовательно следующие посты: начальника XVII-го легиона национальной гвардии, начальника главного штаба и председателя военного трибунала, наконец — военного делегата (министра). 9 мая, разувшись в надежде справиться с возрастающей дезорганизацией военных сил Коммуны, он (под влиянием крупной военной неудачи) подал в отставку, был арестован, а на следующий день скрылся от преследований Коммуны, перестав принимать участие в обороне Парижа.

„Узнав из опубликованной сегодня телеграммы, полученной из Версаля ¹⁾, что в стране есть две борющиеся партии, я без колебания присоединяюсь к той, которая не подписала мира и не имеет в своих рядах генералов, виновных в капитуляциях“ ²⁾: так писал Россель 19 марта военному министру, извещая его о своем отъезде в Париж, куда он и выехал в ночь на 20 марта, передав дела по ликвидации инженерной части Неверского резервного лагеря помощнику ³⁾.

Что же побудило молодого офицера—из буржуазной семьи и без тени революционного прошлого—броситься в лагерь пролетарской революции, которая и не думала, повидимому, в этот момент о возобновлении войны с Германией? ⁴⁾ Ответ,— который дают на этот вопрос и сам Россель (на суде, в письмах, в дневнике) и большинство современников (как из среды версальцев, так и из среды коммунаров) и историков ⁵⁾, и который подтверждается всем имеющимся

¹⁾ Речь идет о телеграмме Тьера от 19 марта (разосланной всем провинциальным властям), в которой сообщалось, что „правительство в полном составе собралось в Версале“ и что „армия в полном порядке под начальством генерала Винуа сосредоточена там в количестве 40.000 человек“, и предписывалось всем гражданским и военным властям „под страхом обвинения в нарушении присяги, не исполнять никаких распоряжений, кроме приказов законного правительства, находящегося в Версале“ („Municipalités Politiques Françaises“. Tome II. La Commune. Paris 1874; p. 11. А. И. Молок. „Парижская Коммуна 1871 г. в документах и материалах“. ГИЗ, 1925; стр. 43).

²⁾ „Mémoires et correspondance de Louis Rossel. 1844—1871“. Paris 1908; p. 291 (разрядка моя—А. М.): „... je me range sans hésitation du côté de celui qui n'a pas signé la paix et qui ne compte pas dans ses rangs de généraux coupables de capitulations“.

³⁾ По французским законам, прошение об отставке военно-служащего должно быть изложено категорически, без всяких мотивов (мотивированное прошение навлекает на него дисциплинарное взыскание); отставка вступает в силу с того момента, когда она утверждена установленным порядком (между тем Россель, самовольно оставив Неверский лагерь, не дал даже времени военному министру утвердить или не утвердить его отставку). 3-е отделение версальского военного суда, пред которым Россель предстал 8 сентября, приговорило его к смертной казни (на основании ст. 238 Военного Кодекса, карающей за дезертирство из рядов армии и переход на сторону врага. Приговор был приведен в исполнение 28 ноября 1871 г.).

⁴⁾ В самый день приезда Росселя Париж узнал (из заметки, помещенной в „Journal officiel“ от 20/III—1871 и подписанной „уполномоченным по внутренним делам“), что новое, революционное правительство, в лице Ц. К. национальной гвардии, решило „твердо соблюдать предварительные условия мира, дабы обеспечить таким образом целостность республиканской Франции и дело общего мира“. На следующий день (21/III) в парижском „Journal officiel“ появилась аналогичная заметка, а 23 марта та же газета опубликовала депешу (от 22-го), в которой Комитет и его „делегат по внешним с оценкам“ заверяют германское военное командование (в ответ на запрос последнего от 21 числа) в том, что „революция, совершенная в Париже Центральным Комитетом, имея чисто-муниципальный характер, отнюдь не направлена против германских армий“ и не собирается пересматривать „предварительные условия мира, принятые Бордосским Собранием“. Несколько странно, что Россель,— который не мог не знать этих документов, перепечатанных в свое время всеми парижскими газетами,— на вопрос председателя суда отвечал, что „узнал об этом лишь к концу Коммуны, когда было уже слишком поздно“; правда, тут же, почувствовав вероятно всю шаткость своего объяснения, он добавлял: „в принципе я был убежден, что мы в конце концов обрушимся на пруссаков“ („Procès de la Commune“, 2-me série, p. 44).

⁵⁾ Если версалец Добан, коммунар Лиссагарэ, марксисты Бакс и Мендельсон и некоторые др. пытаются объяснить поведение Росселя только „ненасытным честолюбием“, „беспокойным желанием выдвинуться“, — то большинство новейших историков Коммуны стоят на точке зрения Л. Дюбрейля, который называет его „истинным патриотом-фанатиком“ („Коммуна 1871 г.“ ГИЗ, 1920; стр. 206). Ж. Бурже: „... Россель, еще вчера офицер регулярной армии, ныне социалист из честолюбия и обманутого патриотизма“ („Histoire de la Commune“. Paris s. a.; p. 144). Н. Лукин: „Россель был молодой офицер, инженерный полковник, предложивший свои услуги Коммуне единственно под влиянием крайнего раздражения против легального версальского правительства, подписавшего униженный мир с Пруссией“ („Парижская Коммуна

по этому делу материалом, — может быть только один: чувство оскорбленного патриотизма и уязвленное самолюбие военного, жажда мести „генералам от капитуляции“, надежда на возобновление войны и на военный реванш Франции.

„Я считал только-что заключенный мирный договор пагубным для Франции и находил, что от него нужно так или иначе избавиться“, — говорил Россель на суде. „Я возлагал большие надежды на восстание, вспыхнувшее в Париже, так как оно с самого начала имело враждебный пруссакам характер. Я надеялся, что, рано или поздно, оно обратится против внешнего врага... Я жаждал полного освобождения территории страны и реванша для французской армии“ (je voulais la délivrance complète du territoire et la revanche de l'armée française)¹⁾. 7 октября, при вторичном разборе своего дела, Россель дает аналогичные объяснения: „Единственным мотивом, толкнувшим меня в ряды федератов, было желание продолжить борьбу и разорвать позорный мир, который нам только-что навязали. Я был уверен, что война возобновится, так как пруссаки, будучи врагами всякого республиканского правительства, должны были, по моему мнению, сами возобновить военные действия. Отправляясь в Париж, я преследовал таким образом только одну цель: содействовать всеми силами успеху не социалистической революции, а революции, которая могла бы отомстить за страну...“²⁾ Он вступает в полемику с председателем суда, доказывая, что и после падения Парижа продолжение войны было возможно и кампания могла быть выиграна Францией, при условии мобилизации всех национальных сил и иного, патриотического, руководства³⁾.

Но — можно возразить — показания Росселя на суде не заслуживают большого доверия, как сделанные задним числом и с целью самооправдания. Допустим даже, что и показания свидетелей⁴⁾ (двух генералов, банкира и других представителей буржуазных кругов), всецело подтверждающие объяснения Росселя, продиктованы личными симпатиями к подсудимому и потому слишком пристрастны. Обратимся к другим, более надежным материалам, более надежным уже по одному тому, что они относятся к периоду до 18 марта.

Это — письма и заметки Росселя за январь — март 1871 года. Перелистывая их, невольно поражаешься единству мысли и настроения, которым они проникнуты. Бесперывные военные неудачи Франции,

1871 г.*. Изд. 2. 1924, стр. 394). К. Талес: „Россель принадлежал к числу тех, которые примкнули к Коммуне из патриотизма... Он надеялся, что Коммуна сможет разогнать Собрание, обратиться с призывом к избирателям и возобновить войну с немцами“ („Коммуна 1871 г.“ ГИЗ, 1925; стр. 118). Такого же взгляда придерживается биограф Росселя Charles Prolet („Le colonel Rossel“, Paris 1898). Точка зрения E. d. Lepelletier на Росселя в первых трех томах его труда („Histoire de la Commune de 1871“, Paris 1911 — 1913) не выявлена.

1) „Procès de la Commune. Compte rendu des débats du conseil de guerre“ 2-me série, p. 43 — 44.

2) „Procès de la Commune“, 2-me série, p. 202 (разрядка моя — А. М): „... en venant à Paris, je n'ai eu qu'un but: concourir dans la mesure de mes forces, non au succès d'une insurrection socialiste, mais au succès d'une insurrection qui pouvait venger le pays“.

3) Ibidem, pp. 47, 200 — 205 (passim).

4) Генерал Вернь, б. начальник Неверского лагеря: „Я убежден, что Россель отправился в Париж с единственной целью продолжать борьбу с пруссаками и без всякой задней политической мысли. Он страстно хотел защитить свою страну; он думал только об этом...“ Банкир Эжен Бриссон, б. администратор Неверского лагеря: „... Россель близко принимал к сердцу национальную славу Франции; он вообразил вероятно, что парижские инсургенты мечтают о реванше...“ („Procès de la Commune, 2-me série, pp. 46 — 50. „Mém. et corresp. de Rossel“, pp. 514 — 518).

истощение ее материальных ресурсов, оккупация $\frac{2}{3}$ страны немецкими армиями, перемирие, — ничто не может поколебать безраздельно владеющей им идеи — „борьбы до последней крайности“.

„Если можно предвидеть будущее — пишет он матери 1 января 1871 года, — я думаю, что война еще не скоро окончится, хотя Париж, без сомнения, падет; но я рассчитываю на энергию людей, таких как я, или еще более решительных, которые не примирятся с разгромом“ ¹⁾. 7 января, подполковнику Бурра, командиру батальона вогезских добровольцев: „Нужно, чтобы решительные люди были готовы ко всему и не дали застигнуть себя врасплох ничем — ни падением Парижа, ни разгромом наших армий, ни происками реакции. Вот для чего я и пишу вам, дорогой товарищ. Пусть те, кто стоят за борьбу до последней крайности, подсчитают свои силы, свяжутся между собой и помнят, что их много, а главное, что они непримиримы“ ²⁾. Рисуя перспективы скорого падения Парижа и начала мирных переговоров, он спрашивает генерала Кремера, своего товарища по обороне Меца, активного участника заговора против капитулянтской политики маршала Базена и его бонапартистского штаба: „Что сделаете вы в этом случае? Хотя к чему спрашивать об этом вас, эльзасца: я и без того знаю, что вы будете продолжать борьбу“ ³⁾. Путем такой своеобразной переключки Россель готовит кадры той армии, которая должна освободить страну. Для начала нужно создать крепкое ядро: оно составит из Росселя и его молодых товарищей по Политехнической школе и по Мецу, в патриотизме которых он не сомневается и которые приведут с собой своих солдат (а ведь, один Кремер может привести целую дивизию, которою командует). И Россель вырабатывает план этой новой кампании: отступление за Луару, в неприступные для врага Севенские горы, откуда отдохнувшие и окрепшие войска начнут отвоевывать страну у немцев ⁴⁾.

1 февраля, под свежим впечатлением известия о капитуляции Парижа, он пишет отцу (который провел всю осаду в Париже, командуя батальоном национальной гвардии) письмо, в котором звучат — наряду с патриотическими — уже и революционные нотки: „Твое унижение удваивает мою злобу и жажду мести аристократам Франции и Пруссии (*ton malheur double ma provision de rapine et de vengeance contrè les aristocrates de France et de Prusse*); первые довели нас до того положения, в котором мы находимся, вторые душат нас своими цепкими лапами“; и он добавляет: „я решил бороться до конца“ ⁵⁾.

„Трудно как-то говорить о войне в такой момент, когда стремление к миру столь всеобщее, можно даже сказать, столь извинительно“, — пишет он 15 февраля: „И всетаки я никак не могу согласиться с тем, чтобы мы путем мирного договора закрепили случайные успехи наших противников; я убежден, напротив, поскольку я верю в судьбы Фран-

¹⁾ „Mém. et corresp. de L. Rossel“, p. 259.

²⁾ Ibidem, p. 261.

³⁾ Ibidem, p. 264. — Кремер действительно был тогда, подобно Росселю, полон решимости продолжать борьбу „до последней крайности“ и, подобно Росселю, явился после 18 марта в Ратушу, но вместо того, чтобы честно стать на сторону революции, затеял сложную двойную игру, пока наконец, подозреваемый обеими сторонами и наполовину разоблаченный, не вынужден был оставить Париж и принять от Тьера назначение в Африку (G. Da Costa. „La Commune vécue“, I, 160 — 169. „Черная книга Парижской Коммуны“, стр. 98, 99, 182 — 183, 278 рус. изд.).

⁴⁾ Ibidem, p. 262.

⁵⁾ Ibidem, p. 275.

ции и революции, что победы этих педантов-аристократов только призрак, который не замедлит рассеяться" ¹⁾. „Война до последней крайности, продолжение борьбы до победного конца не есть какая-то утопия, какое-то заблуждение“, — пишет он около того же времени в другом месте ²⁾, доказывая, что „Франция обладает еще громадными матеральными ресурсами и большим количеством солдат“, что, как показывают исторические примеры, „борьба до последней крайности не может повредить ни одному народу“ и „имеет часто шансы на успех“. „Вспомним битву при Каннах ³⁾, завоевание Голландии Людовиком XIV во главе четырех самых могущественных армий Европы под командой Тюренна и Кондэ, вспомним захват Испании Наполеоном в 1808 году. Вот три положения, которые были гораздо более тяжелыми, более отчаянными и оставляли несравненно меньше шансов на достойный исход, нежели положение, создавшееся у нас с падением Парижа. Однако, из всех трех положений победительные вышли с честью, — и это в результате не случайности, а пожалуй некоего общего закона, одна из самых характерных черт какового есть распадение (*dépérissement*) армий — победительниц... Выражение „Пиррова победа“ — отнюдь не парадокс. Для завоевателей наступает такой момент, когда в самой победе скрыты семена будущего поражения. Это — Канны, Москва ⁴⁾. Почему бы пруссакам не испытать такой же участи? Нужно только суметь выждать этого момента... и ни в коем случае не вступать с ними в переговоры о мире“. „У нас не хватает терпения, — заканчивает Россель, — мы заключаем мир также безрассудно, как вели войну. Наш народ слишком неустойчив, слишком большой скептик. 80 лет тому назад его можно было воспламенить до фанатизма идеями свободы, равенства, всемирной демократии; ну а теперь, во что он поверит теперь (*à quoi croira-t-il maintenant*)“.

16 февраля Россель так реагирует на разговоры о мире: „Патриоты надеются, что этот мир, если он и будет заключен, окажется только передышкой, которая поможет потерявшим голову людям прийти в себя, а трусам — почувствовать всю тяжесть подобного мира ⁵⁾“. Но он не хочет еще отчаиваться: „Революцию придется, пожалуй, начать сызнова (*la révolution est peut-être à refaire*)“, — пишет он Гамбетте в конце февраля: „Если власть, в тех кошмарных условиях, в которых вам приходилось осуществлять ее, не измотала вас в конце, — я надеюсь, что мы это сделаем... Не могу-ли я помочь вам“ ⁶⁾.

К какой новой революции зовет здесь Россель бывшего турецкого и бордосского диктатора, который незадолго до этого (6 февраля) вынужден был выйти в отставку, из-за разногласий со своими парижскими коллегами — приказчиками Бисмарка — по вопросу о перемирии и выборах в Национальное Собрание? К революции, которая обеспечит республику (от покушений со стороны монархического большинства версальской „деревенщины“ и главы нового правительства — орлеаниста Тьера), разорвет мирный договор, возобновит войну с Гер-

¹⁾ „Mém. et corresp. de Louis Rossel“, pp. 275—281 (Hypothèse sur la continuation de la guerre).

²⁾ Ibidem, pp. 286—287 (La lutte à outrance).

³⁾ Полный разгром римской армии знаменитым карфагенским полководцем Ганнибалом в 216 году до н. э.

⁴⁾ 1812 год.

⁵⁾ Mém. et corresp. de L. Rossel, p. 280.

⁶⁾ Ibidem, p. 282—283.

манией ¹⁾. Пусть Гамбетта обманет его ожидания: Россель не перестанет ждать этой революции, как избавительницы, — хотя и не знает, откуда она должна прийти.

14 марта он пишет родителям: „Положение Франции приводит меня в отчаяние. Пусть говорят, что партия была проиграна, и продолжение войны бесцельно, — я не могу с этим согласиться: я вижу столько живых сил и средств, которые расходуются на одну внутреннюю грязню, я вижу такие громадные военные ресурсы, которые остаются неиспользованными, что не могу верить в необходимость мира. Не могу я, в особенности, поверить в необходимость репрессивных мер, только-что принятых, смертных приговоров, закрытия газет ²⁾. Революция еще не завершена; и мне кажется, что честным людям должно стать неспособно подчиняться правительству, которое подписало уступку наших провинций врагу, а теперь затягивает осадное положение в Париже, чтобы иметь возможность действовать там с большим произволом“ ³⁾. 18 марта, еще ничего не зная о парижских событиях, Россель пишет сестре: „Я стараюсь хоть немного отвлечься от мыслей о мирном трактате и обо всем происходящем, но это мне плохо удается“ (*Je tâche de me guérir un peu du traité de paix et de tout cela, mais je n'y réussis guère*) ⁴⁾.

В таком настроении застаёт его известие о революции в Париже. „18 марта у меня не было больше отечества“, — писал он полгода спустя в версальской тюрьме: — „Франция лежала в развалинах, не было больше мужества, патриотизма, чести. 19 марта я узнаю, что один город взялся за оружие. В отчаянии я хватаюсь за этот лоскут отечества. Я не знал, кто были инсургенты, но мне было известно, против кого они восстали: этого для меня было достаточно (*Je ne savais pas qui étaient les insurgés, mais je savais contre*

¹⁾ В этих планах Россель был не совсем одинок. В Тулузе на одном из [избирательных] собраний объявили парижское правительство низложенным и потребовали образования Комитета Общественного Спасения с Гамбеттой во главе, отвержения перемирия и продолжения войны во имя упреждения республики“ (Н. Лукин. „Парижская Коммуна 1871 г. Изд. 2-е, 1924, стр. 127—128). Сходные настроения царил и в Париже и в Лионе. Приятель Росселя, генерал Кремер на избирательных собраниях открыто заявлял, что с государственным деятелем подобным Гамбетте, и генералами, подобными Шанзи, можно было бы продолжать борьбу и прогнать пруссаков“ (Da Costa. „La Commune vécue“, I, 162).

²⁾ 10 марта Бланки, Флуранс и Эдмон Левро были заочно приговорены к смертной казни по делу о восстании 31 октября 1870 г. — 11 марта главнокомандующий парижской армией генерал Винуа закрыл 6 революционных газет — „Vengeur“, „Cri du Peuple“, „Mot d'Ordre“, „Père Duchêne“, „Bouche de fer“, „Caricature“.

³⁾ „Mém. et. corresp. de Rossel“, pp. 289-290 (разрядка моя — А. М.). — „Еще до 18 марта я думал о том, на чью сторону я должен буду стать, в случае восстания в Париже“, — писал Россель уже в версальской тюрьме (*ibidem*, p. 294): — „Смертный приговор над несколькими людьми из демократической партии за попытку восстания, которая имела место во время осады, и закрытие ряда газет усилили мою вражду к этим побежденным, безвольным и раболопным перед национальным врагом, наглым и бесцеремонным с неугодными им партиями. Газеты перечислили артиллерию, которой располагал тогда Париж. Я обратил особенное внимание на наличность шести сот полевых орудий; прочее оружие, как и боевые припасы, также имелись в изобилии. При умелом использовании этих громадных материальных ресурсов, возможность победы не была исключена для нас“ („*sil'on savait mettre en oeuvre cet immense matériel, il n'était pas impossible de ressaisir la victoire*“).

⁴⁾ *ibidem*, p. 291 (разрядка моя — А. М.). — Генерал Вернь, начальник Неверского лагеря, рассказывал потом на суде, что Россель находился в это время в состоянии какой-то лихорадочной экзальтации, проводя целые ночи без сна и по целым дням не говоря ни слова („*Procès de la Commune*“, 2-me série, p. 47).

qui ils étaient insurgés et cela me suffisait). Пусть Коммуна (18 марта еще не было Коммуны, а была только революция), пусть Коммуна не объявила войны пруссакам; это не удивительно! Но нет сомнения, что в тот день, когда у революции появились бы шансы на успех, Пруссия объявила бы ей войну (mais il est certain que le jour où la Révolution aurait eu des chances de succès, la Prusse lui aurait déclaré la guerre¹⁾).

Немалую роль в его решении играет и уязвленное самолюбие кадрового офицера, вынужденного краснеть за свой мундир. 19 марта из официального сообщения Россель узнает, что Париж эвакуирован 40-тысячной²⁾ армией, отступившей в Версаль в полном порядке. „Если бы я не чувствовал даже ни малейшей склонности к революции“, — писал он впоследствии, — „эта последняя подробность заставила бы меня броситься в восстание. Армия и без того уже покрыла себя немалым позором в эту войну; нужно было еще, чтобы 40000 человек очистили без боя Париж перед лицом такого ничтожного врага, как инсurreкция, — и это несмотря на то, что имели преимущество нападающей стороны — единственного действительно благоприятного шанса для всякого повстанческого движения“³⁾.

Другая нотка звучит в прощальной беседе Росселя 19 марта с инспектором косвенных налогов, в доме которого он жил в Невере: в ответ на уговоры последнего отказаться от принятого им решения, Россель указал, что вспыхнувшая в Париже революция „совершена народом, теми, кто страдают от современного социального строя“⁴⁾, и что долг каждого честного человека состоит в том, чтобы стать на сторону народа в такую критическую для последней минуту. Новый мотив слышится и в следующих словах Росселя, написанных за два дня до смерти: „Когда я присоединился

¹⁾ „Mém. et corresp. de L. Rossel“, p. 408 (Rossel au 18 mars. — Note du 9 octobre 1871) (разрядка моя — А. М.). — Неизбежность открытой германской военной интервенции в случае упреждения Коммуны и обострения гражданской войны сознавалась не одним Росселем. „...В случае поражения Национального Собрания, пруссаки, окружившие нас, выступили бы против победителей, которые взяли бы за оружие единственно из протеста против Бордосского мира“, — говорит в своих мемуарах радикал Рошфор („Les Aventures de ma vie“, III, 3). „В игре Тьера — отмечает член Коммуны Арню („Народная история Парижской Коммуны“, П. 1919; стр. 109) — был один козырь, и этим страшным козырем были пруссаки. С ними ему нечего было бояться. Победоносную на день революцию, которой он даже не пытался оказать сопротивление, которую он поджидал в Версале с саквояжем под мышкой, можно было на другой же день разбить о прусские штыки“. Если дело не дошло до прямого вмешательства немецких войск в военные действия, — то Бисмарк оказал все же немалую помощь Тьеру, согласившись на увеличение версальской армии до 130.000 чел. (хотя по условиям предварительного договора о мире военные силы Франции не должны были превышать 40 тысяч) и отпустив из плена тысячи французских солдат и офицеров, которые и дали возможность довести ее численность до указанной цифры. — Подробнее об этом см. К. Маркс „Гражданская война во Франции 1871 года“. Редакция и примечания А. И. Молок. „Прибой“ 1926; примечания 244, 256, 257, 258 и 274 (стр. 169, 172—174 и 178).

²⁾ Согласно позднейшим показаниям Тьера, в первые дни после 18 марта в его распоряжении было только 22.690 человек, притом совершенно деморализованных („Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars“, Paris. 1872 p. 178). 6 апреля версальская армия насчитывала уже 64.894 чел. (Vinoü. „L'Armistice et la Commune“, Paris 1872; p. 421).

³⁾ „Mém. et corresp. de Louis Rossel“, p. 295. — Еще в письме от 14 марта Россель признавался, что прямо ненавидит „ремесло солдата“ (ibid., p. 289). Тяготясь военной службой, он мечтал в это время о том, чтобы выйти в отставку и уехать за границу (ibid., pp. 205, 289).

⁴⁾ Ibidem, p. 295 (разрядка моя — А. М.).

к восстанию, я не рассчитывал на успех и не предполагал занять в нем одно из первых мест. Я повиновался своему политическому долгу: когда вспыхивает гражданская война, каждый гражданин должен поддерживать свою партию. Мое место, место республиканца, было в Париже...¹⁾

Итак, в Париж его зовет не только долг патриота, мечтающего о возрождении своей страны, не только долг военного, мечтающего о реванше французского оружия, но и долг демократа, сочувствующего восстанию угнетенных и эксплуатируемых, и долг республиканца, обязанного защищать страну от грозящей ей монархической реставрации. Впрочем, оба последних мотива — социальный и политический — занимают подчиненное место в общем строе военно-патриотической идеологии Росселя, представляющей, в конечном счете, разновидность мелкобуржуазного радикализма, ведущего свое происхождение от якобинского периода великой французской революции²⁾. Это особенно ясно из слов Росселя в заседании Коммуны 4-го мая, в которых он совершенно недвусмысленно признается, что и его демократизм и его „социализм“³⁾ являются только производным и его патриотизма:

„Я горячо любил и люблю Францию. Но во время последней войны я вынужден был признать, что старая Франция умирает. Я видел и проклял неспособность и трусость высшего командования. Я увидел еще, что социальный строй, основанный на гнете и насилии, приближается к своей агонии. Из ненависти к тем, кто предал мое отечество, из ненависти к старому социальному строю, я стал под обновляющее знамя рабочих Парижа (*en haine de ceux qui ont livré ma patrie, en haine du vieil ordre social, je suis venu me ranger sous le drapeau rénovateur des ouvriers de Paris*). Я не знаю, чем будет новый, социалистический строй; но я верю в него и думаю, что он будет во всяком случае лучше старого. Вот почему я дал себе клятву, что буду всеми силами работать над разрушением прошлого, которое я ненавижу зрелой и продуманной ненавистью, и над подготовкой будущего, которое я понимаю как свободу и равенство для всех, одним словом, как справедливость“⁴⁾.

Через гражданскую войну к войне национальной — такова концепция Росселя: организуя оборону революционного Парижа, он не забывает однако своей основной цели — немцев. 28 апреля, в самый разгар борьбы с Версалем, он приходит в архив военнопленного управления за планами французских крепостей, занятых немцами, и на вопрос главного хранителя отвечает, что они нужны ему для того, чтобы после победы над Версалем возобновить войну

¹⁾ „Mém. et corresp. de L. Rossel“, p. 429 (разрядка моя — А. М.): „...Républicain et mon parti était à Paris“.

²⁾ Недаром Россель так преклоняется перед этой эпохой; его любимые герои — это Сен-Жюст и „организатор победы“ Карно.

³⁾ Если республиканские чувства Россель проявлял еще до войны (голосуя против майского плебисцита 1870 г.), то о социализме он — и до и после Коммуны — отзывался как об утопии.

⁴⁾ В. Малон. „La Troisième défaite du prolétariat français“. Neuchâtel 1871, p. 304; разрядка моя — А. М. (Малон ошибочно переносит это заявление Росселя на заседание 5 мая). — Несколько иначе излагает это заявление Росселя Лиссагарэ („История Парижской Коммуны 1871 г.“, изд. „Колокол“ 1905 г.; стр. 288): „Я не могу сказать, что я глубоко изучил социальные реформы, но меня охватывает ужас при мысли о том обществе, которое предательски губит Францию. Я не знаю, каким будет этот новый порядок — социализм; я люблю его, принимая его на веру; он во всяком случае будет лучше старого“.

с Германней¹⁾. Журналист Вильом рассказывает в своих записках, как поразил его (и его товарищей по редакции бланкистского листка „Отец-Дюшен“—Эмбера и Вермеша) Россель своими патриотическими планами: „Для него, несмотря на поражение, капитуляцию, мир, несмотря на его первые разочарования в военных силах, которыми могла располагать Коммуна, — еще ничто не было потеряно. Коммуна могла одержать верх над Версалем, распустить Собрание, обратиться с призывом к избирателям, возобновить войну...“²⁾. Не менее интересно свидетельство Баррона, одного из секретарей военной делегации Коммуны. Когда этот последний, недовольный своим назначением, стал проситься на фронт, в бой, то услышал следующий неожиданный ответ:

„Терпение! Когда придет время, мы все пойдем в бой против пруссаков“. „Как против пруссаков?.. Ведь, воюем-то мы не с пруссаками, а с версальцами!“—возражает удивленный Баррон. Но майор Сеген, помощник начальника главного штаба, друг и приятель Росселя, шопотом поясняет: „Нет, мы боремся не против версальцев, а против капитулянтов, против виновников позорного мира во что бы то ни стало: через них мы доберемся до пруссаков!“³⁾—„Об этом открыто говорят в маленькой группе близких к полковнику Росселю людей“, — добавляет в своем дневнике Баррон, — и эта, безумная мечта, эта несбыточная надежда, эта дерзкая утопия не встречает ни малейшего недоверия среди мистиков патриотизма“⁴⁾.

При всем своеобразии мотивов, толкнувших Росселя в революцию 18 марта, он был, как видим, далеко не единственным, хотя бесспорно самым ярким, представителем военно-патриотического течения в Коммуне. „...Очень многие патриоты заблудились в этом движении и, как Россель например, думали, что через него и с его помощью возможно было на электризовать истекающую кровью и умирающую Францию и снова бросить ее на пруссаков. Мечта безумная, нелепая надежда, но она все-таки возбуждала, несомненно, немало голов“⁵⁾. В частности, целый ряд кадровых офицеров и офи-

¹⁾ „Procès de la Commune“. 2-me série, p. 50 (показание главного хранителя архива — Marius Chabert). — Рассказ Росселя об этом эпизоде стоит в некотором противоречии с показанием хранителя. Последний утверждал, что он отказался выдать требуемые материалы, собирать каковые он, по словам Росселя („Mém. et corresp. de Rossel“, p. 405), был им якобы специально уполномочен.

²⁾ Максим Вильом. „В дни Коммуны“. „Прибой“, 1925; стр. 146.

³⁾ Louis Barron. „Sous le drapeau rouge“. Paris 1889; p. 20 — 21 (разрядка моя — А. М.): „Non, ce n'est pas contre les Versaillais que nous nous battons, c'est contre les capitulards, les honteux de la paix à outrance; par eux nous arriverons jusqu'aux Prussiens!“.

⁴⁾ Ibidem. — К сожалению, Баррон не называет (кроме Сегена) этих единомышленников Росселя.

⁵⁾ Луи Дюбрейль. „Коммуна 1871 г.“, ГИЗ, 1920, стр. 269. — Немецкий буржуазный историк Коммуны Бернгард Беккер утверждает даже, что „возобновление войны с Германией, к которому он (Россель — А. М.) стремился, было скрытой тенденцией Коммуны“ (Bernhard Becker. „Geschichte und Theorie der Pariser revolutionären Kommune des Jahres 1871“. Leipzig 1879; SS. 203 — 204). Наш соотечественник П. Лавров писал 30 марта своей приятельнице Е. А. Штакеншнейдер, что если „существующее в Париже правительство“ восторжествует, „то едва ли война с Германией не начнется сизнова...“ („Голос Минувшего“, 1916 г., № 7 — 8, стр. 123). Интересно также мнение члена Коммуны интернационалиста Лефранса: „...Торжество этой революции могло оживить не совсем еще угасший во Франции патриотизм... Кто знает, что тогда получилось бы? Быть может, победоносное коммуналистическое движение рассеяло бы, как дым, призрак новой германской империи!“ (Lefrançais. „Etude sur le mouvement communaliste à Paris en 1871“, p. 342).

церов военного времени ¹⁾, предложивших Коммуне свои военные знания и свой боевой опыт, действовали повидимому под влиянием того же чувства оскорбленного патриотизма, которое двигало Росселем и которому он остался верен до последних минут своей жизни ²⁾.

¹⁾ В частности, эльзасцы (в роде полковников Ветцеля, Витта, Майера и др.), образовавшие добровольческий „эльзасско-лотарингский легион“ для участия в обороне революционного Парижа. „Чтобы освободить нашу страну, — заявляли они, — мы должны сперва избавиться от империалистов и роялистов Версаля“ („Journal officiel“, 3 V — 1871).

²⁾ За два часа до клани Россель, прощаясь со своим адвокатом, просил его передать всем своим друзьям, что „единственной целью“ и „единственным честолюбием“, побудившими его (Росселя) принять участие в Коммуне, было — возобновить войну с немцами (mon seul mobile, mon unique ambition a été de recommencer la guerre): Rossi. „Papiers posthumes recueillis et annotés par Jules Amigues“. Paris 1871; p. 373.